

Валентин Пикуль

Музы города Арзамаса

*Часть сборника
Через тернии – к звездам.
Исторические миниатюры*

Через тернии – к звездам

Валентин Пикуль

Музы города Арзамаса

«ВЕЧЕ»

Пикуль В. С.

Музы города Арзамаса / В. С. Пикуль — «ВЕЧЕ», — (Через тернии – к звездам)

«...Ступин был деловит. С первыми учениками взялся за оформление громадного храма в имении знатного богача князя Грузинского, создал для него множество икон, сам делал лепнину и заработал три тысячи рублей. На эти деньги Александр Васильевич приобрел барский дом на углу скрещения арзамасских улиц. В этом доме разместил школу, библиотеку и спальни, а каретный сарай приспособил для галерей – картинной и античной, где выстроились гипсовые слепки и копии классических фигур. Жена укачивала на руках недавно родившуюся Клабочку, с трепетом озирала гладиатора с мечом, стыдливый жест Венеры Медицейской и лесного лешего Фавна.– Одной и ходить тут страшно, – говорила она. – Не дай Бог таковых на темной улице встретить...»

Валентин Пикуль

Музы города Арзамаса

Историческая миниатюра

Никогда я не был в Арзамасе, а – ж а л ь . . .

В старину, приписанный к Нижегородской губернии, этот город считался «гусиной столицей» России; вокруг Арзамаса, в долине реки Тешы, все было белым-бело от пасущихся там неисчислимых гусиных выводков. Большой и на диво жирный гусь считался символом города, недаром же, когда Пушкина принимали в общество «Арзамас», его во время застольных речей заставили держать в руках мороженого арзамасского гуся.

Что делать, видно, *мне* кибитка на Парнас,
Но строг, несправедлив ученый Арзамас. . .

Лежащий на Большом Московском тракте, ярко полыхающий золотыми куполами церквей, обильно изукрашенных, Арзамас был знаменит храмами, как и своими гусями. Писатель граф Соллогуб писал: «Много я видел церквей в Москве, но в Арзамасе, кроме церквей, ничего не видел». Это преувеличение! Город был интересен сам по себе, он вел торги даже с Европой, славился ремеслами обывателей, среди ампира дворянских особняков нерушимо вросли в землю тяжкие хоромы купцов, город постоянно пребывал в торговом оживлении, к услугам приезжих в Арзамасе насчитывалось около сотни гостиниц и постоянных дворов, украшенных еловыми ветками. . .

Кстати, в популярной повести того же графа Соллогуба «Тарантас» есть примечательный диалог его героев:

«– У меня в особенности замечательно собрание картин.

– Итальянской школы? – спросил Иван Васильевич.

– Арзамасской. . . у меня целая галерея образцовых произведений славных арзамасских живописцев».

Значит, над храмами Арзамаса взлетали не только вороны и голуби, но когда-то порхали и музы; не только чванливый Петербург, но даже русская провинция имела свою «академию».

Известно ли тебе, читатель, такое имя – Александр Васильевич Ступин? Имя, достойное нашей памяти. . .

Вряд ли мы дойдем до истоков происхождения Ступина, если он сам, кажется, не ведал своих родителей. Ему хотелось верить, что он – дитя неосторожной любви некоего Борисова и дочери какого-то «воеводы» из Костромы. Но, если говорить честно, я более склоняюсь к иной версии. Ступин порожден в грехе молодой игуменьей Марией, которая в одну из душевных ночей отворила свою келью для чересчур пылкого арзамасца. «Буйный был характером, – вспоминали о нем в городе. – Ночью придет в обитель, стучит, ругается. . . в храме он орал на монахинь, сильно они его пугались – по углам прятались». Я пытался установить мирское имя этой игуменьи, по дневнику В. П. Шереметьевой вышел на Марию Петровну Блохину, урожденную Алмазову, но потом стал сомневаться в своих догадках. . .

Ладно! Пусть этим вопросом занимаются краеведы, а мое дело рассказывать то, что я знаю. Поверим на слово самому Ступину: «Мать моя скончалась во Владимире, оставив меня 3-х лет совершенным сиротой, и я был зачислен в мещанское звание. . .» Дитя любви пристроили в семью арзамасского мещанина Василия Ступина и его жены Анисьи Степановны. Названный отец, видно, был гулякой: он оставил семью на бобах и ушел в солдаты, следы его навсегда

затерялись, и Бог с ним! Безграмотная, но сердечная Анисья Степановна прижала к сердцу приемыша:

– Не горюй! Я тебя, миленький, не оставлю.

Что ожидать от темной женщины? Она слышала, что нужна «наука», но за чтение одного листа Часослова местные грамотеи просили три копейки медью. Велики деньги, где взять их? Анисья Степановна отвела приемыша к глухому пономарю:

– Уж ты научи его, батюшка, наукам всяким...

Тот выбрал из кадушки розгу подлиннее. Обещал три шкуры спустить, но читать и писать научить. Оглухший от звона колоколов, пономарь все-таки передал малолетку свою «премудрость». После чего Саша Ступин «прислуживал в церкви, читал, пел, носил дрова дьячкам в церкву, ходил с образами по домам», славя Христа, а каждую копейку отдавал матушке.

– Кормилец ты мой и поилец, – умилялась Анисья...

Кормильцу было тогда семь лет. Через три года его определили сидельцем в лавчонке, где висели хомуты и стояли бочки с патокой. Здесь он впервые потянулся к карандашу, и, заметив в нем склонность к рисованию, мать отдала приемыша на попечение какого-то богомаза. Вместе с мальчишкой он ездил по усадьбам помещиков, красил все, что надо, – где забор размалюет, где икону в храме поправит кисточкой. В 1790 году богомаз велел собираться в Темников, мать дала Саше в дорогу гривенный. Голодно было, даже побираться хотелось, к тому же богомаз обокрал своего ученика.

– Дяденька, отдай денежку, – умолял Ступин.

– Я вот тебе не тока отдам, но и своих придам, коли ишо скулить будешь. Имей уваженье ко мне, сваму мастеру, коли уж мне похмелиться пришла охота... Цыц, мелюзга!

Всяко в жизни бывало. И всюду можно учиться. Ступин много читал, много исправил окон в сельских церквях, немало золотил иконостасов. Скоро его взял к себе в услуженье арзамасский городничий Ананьин, дядька добрый. Однажды Ступин набросал пером на бумаге портреты его детишек, и так мило, так сходственно получилось, что Ананьин даже заробел.

– Гений ты, Сашка! – сказал он юноше. – Чего ж это я тебя с дубиной на плече держу при своих посылках? Тебе, милоч, не дубина, а карандаш надобен... Ишь как ворочаешь!

В ту пору дьякон Ефим Яковлев считался в Арзамасе самым искусным иконописцем, он привлек Ступина в помощники. Дьякон учил хорошо, за подряды брал деньги немалые, и Ступин радовал Анисью Степановну своим заработком; в доме у них завелся достаток, гоняли к реке на выпас свою гусиную стаю. Но тут беда приключилась. Поехали как-то в село Тарханове, чтобы обновить образа в церкви, тамошний помещик сразу выставил шесть ведер водки (для лакировки икон спирт нужно перегнать в лак). Но дьякон Ефим не устоял перед таким изобилием, все шесть ведер зараз «перегнал» в себя, отчего и помер. Ступин очень жалел мастера, тем более что был влюблен в его дочь без памяти.

Но тут вмешалась Анисья Степановна:

– Да на што тебе, оголтелому, дочка от пьяницы? Ряба, коса, кривопуза и не плывет павою по земле, а скачет, быдто лягуха какая. Ужо вот, погоди, я тебе такую невестушку пригляжу... глаз не отвести! Она тебе красу свою явит...

Катерина Селиванова из мещан Арзамаса стала его женою. Ступин подался в Нижний Новгород, где начал служить в канцелярии губернского правления, а его начальники, зная, что он к живописи склонен, зазывали Ступина в свои именишки – кому стены цветочками расписать, а кому рамы для семейных портретов золотить, а кому взбредет в голову, чтобы крылья мельницы сделать разноцветными. Но весной 1798 года началась в губернии суэта великая, все словно помешались от ужаса – Нижний Новгород угрожал навестить сам император Павел I.

Ступина вызвал к себе губернатор Борис Ласси.

– Выручай, братец, спаси нас и помилуй, – сказал он, рыдая. – Ежели его грозное величество не куртизировать предметом отважным, тогда всем нам худо станет, а тебе – первому. Уж я даже Исмаил штурмовал, а такого страха еще не испытывал...

Ласси велел срочно готовить для «куртизирования» императора образ Воздвиженья, и когда в мае Павел I прибыл, ему поднесли сей «предмет отважный», чему император подивился:

– Мастер хорош! – сказал он. – Выделить его...

Все перекрестились, а Ласси обласкал Ступина:

– За то, что с писанием образа не мешкал, а искусством своим избавил губернию от разоренья монаршего, жалую тебя из подканцеляристов в полные канцеляристы. Мажь и далее!

Катя родила первенца Рафаила, Ступин с женою и сыном вернулись в Арзамас; Александр Васильевич стал жить с церковных и дворянских подрядов, сам завел учеников, приобрел в городе домишко, а для услуг нанял «девку». Двоюродный брат жены Турин, учившийся живописи в Петербурге, критиковал художественные приемы Ступина, свысока поучая шурина:

– Учеников набрал, а тебе самому учиться надобно...

Весною 1800 года Ступин решил ехать в Петербург, тут заплакала Анисья, в голос завывала жена, рыдал и младенец в люльке.

– Ой, да на кого покидаешь нас, родименький? – причитали женщины. – Али мы тебя не тешили, не голубили?..

Ступин отъехал. «Цель моя была, – писал он, – не столько заняться для себя, сколько для пользы учеников моих».

Прямо скажу: в храбрости ему не откажешь. Сначала его приютил дядя по жене Степан Турин, а в Академии художеств арзамасца приняли на правах «постороннего ученика». Ступин почти ревниво наблюдал за своими товарищами – Кипренским и Варнеком, обладавшими таким хватким талантом, о каком Ступин даже помышлять не смел. Очень хотелось ему попасть в классы ректора Ивана Акимова, но тот прежде спросил его:

– Какими средствами владеешь, голубчик мой?

Ступин честно сказал, что выехал из Арзамаса, имеет 250 рублей, после чего Акимов лишь горько усмехнулся:

– Так где тебе за мое ученье расквитаться?

Катя писала из Арзамаса, что без него стало тошно: мещанская община города сочла Ступиных богачами, ибо, будучи беден, не жывал бы ее муж в столице, и на этом основании обложила семью Ступина таким налогом, что скоро до разорения доведут. Но Ступин Академию не покинул, рисовал с антиков и натурщиков, за свое старание получал «номера» похвальные. Однажды, работая в Античной галерее, он услышал чужое дыхание. Оглянулся – за ним стоял ректор Академии.

– А что? – сказал Акимов, присаживаясь рядом. – Вижу, что в анатомии ты успешен, да и натуру освоил порядочно. Дай-ка мне карандаш, я пальцы и пятку поправлю. Если желаешь, братец, приходи ко мне завтра. Я подумаю о твоём бесплатном ученичестве в своих классах. Приготовь паспорт...

Они встретились. Ступин передал ему паспорт арзамасского мещанина, Акимов указал ему жить в своем доме. Тут ректору стали говорить, что в доме и без того теснотища.

– А станет еще теснее, – отвечал Акимов. – Перечить не смейте. Мне нравится умное лицо господина Ступина, и я от души надеюсь, что беру к себе доброго человека...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.